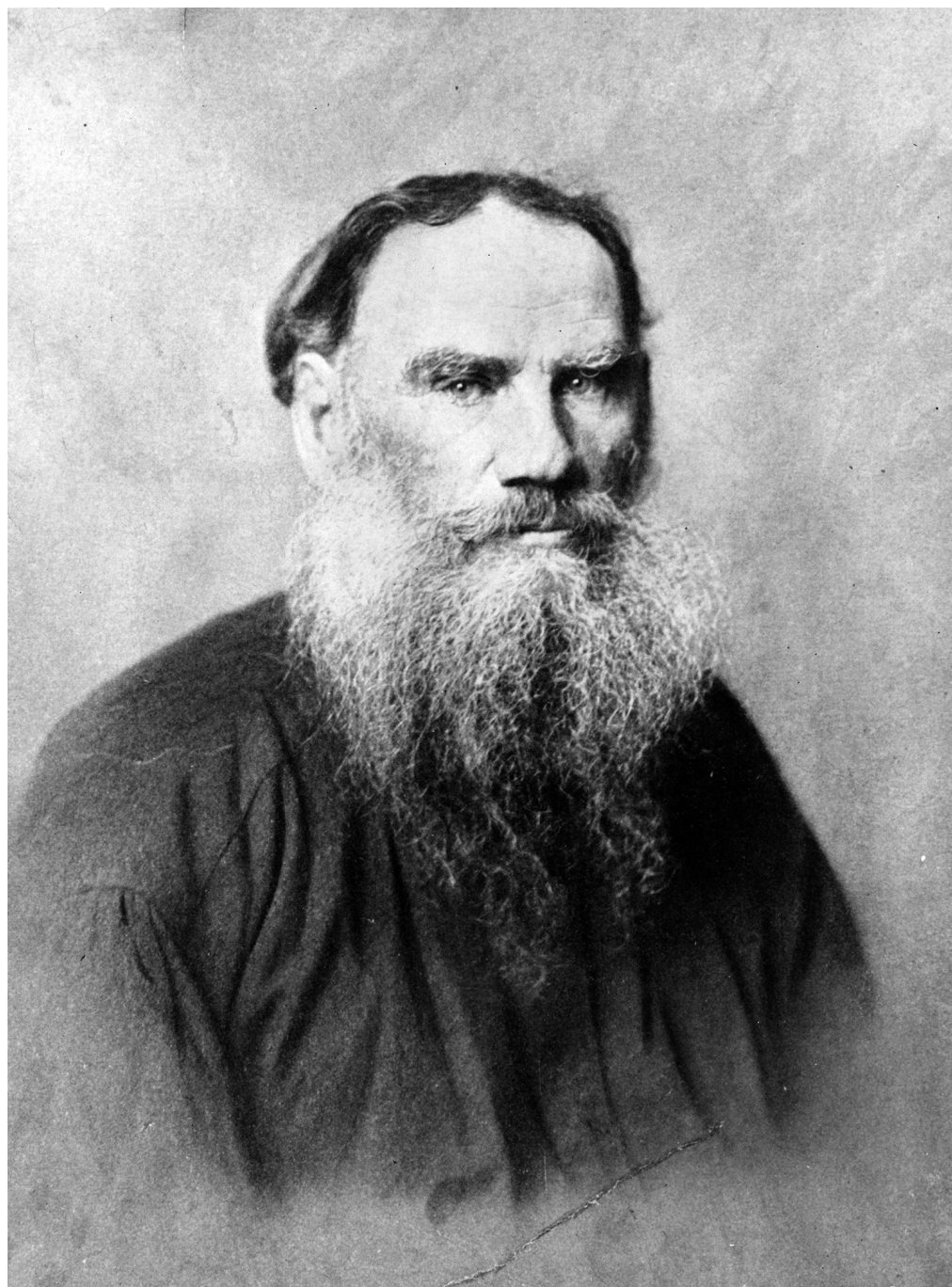

Лев Толстой

Крейцерова соната
Смерть Ивана Ильича
Хаджи-Мурат

ПОЛКА

альпина
ПРОЗА

Москва, 2025

Иллюстрация на фронтисписе:
Лев Толстой. Около 1890 года.
Государственный музей Л. Н. Толстого

*Текст печатается по изданию: Толстой Л. Н. Собрание сочинений
в 22 томах. Т. 12, 14. — М.: Художественная литература, 1982, 1983.*

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
Т53

Толстой Л.

Т53 Крейцеровна соната. Смерть Ивана Ильича. Хаджи-Мурат / Лев Толстой. — М. : Альпина Паблишер, 2025. — 345 с. : ил. — (Главные книги русской литературы).

ISBN 978-5-9614-9249-1

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-9614-8300-0 (серия)
ISBN 978-5-9614-9249-1

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tylib@alpina.ru.

© Сапрыкин Ю., 2022
© Кириенков И., 2022
© Трофимова Т., 2024
© ООО «Альпина Паблишер», 2025

Крейцерова соната

Предисловие «Полки»

*Самое скандальное произведение Толстого.
На страницах повести о муже, убившем жену
из ревности, писатель излагает свои поздние
взгляды на взаимоотношения полов.*

Татьяна Трофимова

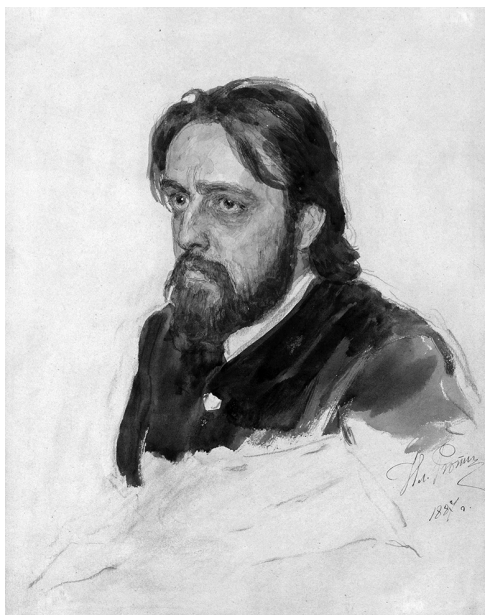

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

О том, как муж из ревности убил жену и обвинил во всем порочный институт брака. Главный герой Позднышев рассказывает случайному попутчику в поезде свою драматическую историю: как он женился, изначально будучи влюбленным в свою невесту, но скоро обнаружил, что их союз не приносит ему никакой радости, а только мучения. На основании этого Позднышев делает вывод о порочности брака как института, устроенного таким образом, что люди сходятся лишь на основании увлечения со стороны мужчины и необходимости со стороны девушки, ничего не узнав друг о друге и руководствуясь совсем не теми соображениями. В итоге получается не семья, а, как не раз говорит герой, «свинство», в котором легко дойти и до преступления. Такое радикальное заявление Толстого о природе брака прозвучало для современников максимально остро, настроив против писателя всех — от церкви до собственной жены.

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

«Крейцерова соната» — тот случай, когда и дату начала работы над повестью, и дату окончания можно установить только опосредованно. Вероятнее всего, Толстой закончил писать текст в начале декабря 1889 года — во всяком

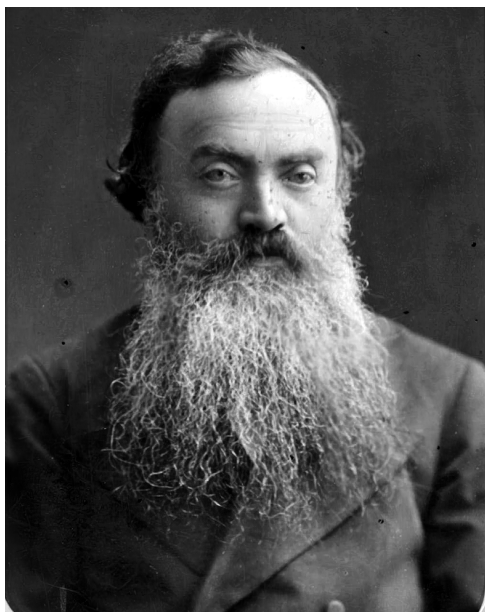
И. Е. Репин. Портрет В. Г. Черткова

случае 8 декабря в дневнике появилась последняя запись на этот счет, и в ней писатель сообщал, что «Крейцерова соната» ему «надоела». Вскоре после этого Толстой отправил рукопись своему близкому другу и издателю Владимиру Черткову, а тот вернул ее к концу месяца с комментариями, которые писатель, судя по его ответу 31 декабря, собирался учесть. Но, насколько известно, в январе он внес лишь пару мелких стилистических поправок, что едва ли можно считать продолжением работы. Первые же упоминания о замысле относятся к июню 1887 года, когда в гости к Толстому приезжал актер Василий Андреев-Бурлак и рассказал ему о произошедшем с ним эпизоде на железной

дороге — случайный попутчик поведал историю об измене жены. Так что, очевидно, работа над повестью происходила между этими двумя датами. Но велась неравномерно, поскольку за эти два с половиной года Толстой не раз бросал текст и параллельно занимался другими произведениями.

КАК ОНА НАПИСАНА?

В «Крейцеровой сонате» использована рамочная композиция, или прием рассказа в рассказе, характерный для позднего Толстого. К нему писатель прибегает, например, в повести «Хаджи-Мурат» или в рассказе «После бала». В данном случае наличие «рамки» помогает совместить эмоциональный рассказ от первого лица и проблемный контекст, в котором его надо воспринимать. Во «внешней» рамке рассказчик описывает, как во время одной из поездок по железной дороге между его попутчиками завязался интересный спор о семье и браке и среди них оказался человек, убивший свою жену. Во «внутреннем» же рассказе один из пассажиров, Позднышев, от первого лица откровенно повествует о том, каким образом он дошел до преступления из ревности. На самом деле Толстой легко мог бы отдать все пространство повествования главному герою, но, видимо, ему было важно, чтобы эта персональная история была воспринята в определенном

Н. Н. Страхов

социальном контексте на фоне мнений, высказанных другими пассажирами.

Сам Толстой в итоге остался не очень доволен тем, как устроена повесть. Но сомнения у него вызывал другой прием — совмещение сюжетного рассказа и длинных философских размышлений. «В художественном отношении я знаю, что это писание ниже всякой критики: оно произошло двумя приемами, и оба приема несогласные между собой, и от этого то безобразие, которое вы слышали», — писал Толстой в ответ на критику Николаю Страхову. Тот сообщал писателю, что его смущают форма рассказа в рассказе, где слишком много места отдано прямой речи героя и при этом неясно, кто же его

собеседник, и большое количество отвлеченных рассуждений Позднышева. Объем рассуждений, которые к тому же не вяжутся с состоянием главного героя в моменте, не понравился и другому близкому другу Толстого — Владимиру Черткову. На его взгляд, их следовало бы выделить отдельно и не смешивать с рассказом Позднышева о его семейной драме. В ответ Толстой записал в дневнике, а после сообщил Черткову в письме, что согласен и хотел бы последовать совету друга. Но в итоге ничего исправлять в повести не стал, решив, что важнее то впечатление, которое она производит, даже будучи несовершенной по форме.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

В самой повести есть упоминание сразу двух сект, в основе идеологии которых лежат взгляды, сходные с теми, что излагает Позднышев. Прежде всего это шекеры (шейкеры), и действительно в процессе работы над текстом Толстой интересуется жизнью этой американской общины, участники которой проповедовали целомудрие и безбрачие. «И как всегда бывает, когда чем занят хорошим, в этом направлении, поддерживая его, складываются внешние события», — сообщает Толстой Черткову весной 1889 года, добавляя, что вступил в переписку с некоторыми из шекеров и получил от них несколько полезных

книг. Также в третьем эпитафее из Евангелия от Матфея упоминаются скопцы. К моменту работы над повестью эта секта была известна в Российской империи уже много десятилетий. Власти боролись с ее идеями, которые предполагали оскотление в целях борьбы за спасение души, а приверженцы скопчества наказывались и ссылались в Сибирь. Но если про шекеров известно, что Толстой интересовался их учением непосредственно во время написания «Крейцеровой сонаты», то про скопцов такой уверенности нет. В дальнейшем писатель даже будет состоять в переписке с одним из представителей секты, но это будет происходить уже спустя несколько лет после публикации повести.

В дневнике Толстой также писал о том, что большое влияние на характер повести оказало письмо, полученное им еще в феврале 1886 года: «Основная мысль, скорее сказать чувство, “Крейцеровой сонаты” принадлежит одной женщине, славянке, писавшей мне комическое по языку письмо, но замечательное по содержанию об угнетении женщин половыми требованиями». В этом письме, автор которого подписался как «славянка», содержались жалобы на положение юных невинных девушек, которые выходят замуж и в браке попадают во власть уже немолдых мужчин с их привычками к аморальному образу жизни, в результате чего теряют и нравственность, и здоровье. Поскольку повесть в этот момент

еще даже не была задумана, вполне может быть, что это письмо наряду с рассказом Андреева-Бурлака стало импульсом для Толстого.

Свою роль могли сыграть и семейные обстоятельства: в феврале 1888 года женится второй сын Толстого. Поскольку Илье Львовичу на тот момент было лишь немногим за двадцать, как и его невесте, и он не имел никакого источника дохода, Толстой просит сына подумать над теми основаниями, на которых будет построен его брак. А впоследствии писатель будет высказывать недовольство тем, как молодые ведут хозяйство, как устроен их быт и что рождение первенца их традиционно разделило: невестка погрузилась в заботы о ребенке, предоставив Илье Львовичу заниматься своими делами. Это, по мнению Толстого, тревожный предвестник проблем в браке.

Наконец, с текстом Толстого связывают еще две книги, популярные в те годы, — «Об уходе за малыми детьми» педиатра Егора Покровского и «Токология, или Наука о деторождении» американского врача-гинеколога Алисы Стокхэм. Писатель был знаком с обоими авторами: первому он посоветовал в 1889 году опубликовать его работу, а второй предложил сделать перевод книги на русский язык и лично написать к нему предисловие — настолько писателю показалась важной затронутая тема. В книгах обоих врачей немало места уделено

тому, какими должны быть отношения родителей в браке, чтобы в семье родились и выросли здоровые дети. Но если труд Покровского теоретически мог оказать влияние на Толстого, так как пришелся на период его работы над текстом, то книга Стокхэм даже на английском появилась уже после выхода повести.

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Первая официальная публикация повести состоялась в июне 1891 года в составе тринадцатого тома собрания сочинений Толстого, изданием которого занималась жена писателя. Софья Андреевна Толстая настаивала на том, чтобы «Крейцера соната» не выходила отдельно, так как это отвлекло бы внимание читающей публики от очередного тома собрания сочинений. Хотя предложения о публикации Толстой начал получать еще с мая 1889 года, когда повесть не была даже готова. Учитывая пожелания Софьи Андреевны, Толстой сразу же отказался от идеи отдать «Крейцерову сонату» в издательство «Посредник» Черткова. А вскоре и другие заинтересованные издатели — Александр Эртель и Павел Гайдебуров — сообщили писателю, что получили от цензурного ведомства сигнал о том, что разрешения на публикацию в сборнике или газете им не дадут. В итоге, чтобы напечатать повесть в собрании сочинений,

Софье Андреевне пришлось попросить аудиенцию у императора Александра III лично и там 13 апреля 1891 года получить его согласие.

Однако к тому моменту вся читающая публика повесть уже прочла. «Утечка» текста произошла после первых чтений «Крейцеровой сонаты» 28 и 29 октября 1889 года сначала в доме Кузьминских, родственников Толстого, а потом в редакции «Посредника». Тогда, чтобы поскорее вернуть рукопись еще не оконченной повести, несколько человек взялись переписать ее, а спустя несколько дней уже было готово три сотни литографических копий. Некоторые из них легли в основу публикации повести отдельной книжкой в 1890 году в берлинском издательстве «Библиографическое бюро». В нем же вышло и второе издание — уже с послесловием Толстого, написанном по просьбе Черткова. С этого второго издания в Москве были сделаны новые нелегальные копии. Так что едва ли будет преувеличением сказать, что к моменту официального выхода «Крейцеровой сонаты» практически все желающие уже успели прочитать повесть, хотя и не в окончательном виде.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Бурно. Причем острая реакция проявилась еще до публикации повести. Константин Победоносцев, занимавший в те годы пост обер-прокурора Синода,

по прочтении «Крейцеровой сонаты» даже не знал, что делать. Все это мерзко, цинично и, конечно, искажено Толстым, писал он, но многое из высказанного — все-таки правда. А значит, запретить повесть во имя нравственности будет проявлением лицемерия. Ключевым моментом в восприятии «Крейцеровой сонаты» стало то, что реакцию вызвало не столько художественное произведение, сколько высказанные в нем идеи. Это вполне объяснимо тем, что Толстой в тот период уже далеко вышел за рамки писательства и от него ждали высказываний как от идеолога. Но в данном случае идеологический посыл Толстого не понравился никому.

В первых рядах, даже не дожидаясь официальной публикации повести, выступили представители церкви, в частности архиепископ Херсонский и Одесский Никанор, а также священники Федор Преображенский и Александр Разумовский. С одной стороны, столь быстрая реакция церкви понятна, ведь брак находится в ее ведении, а Толстой посягает на таинство, с другой — необычным было то, что церковь инициировала разговор о физической стороне брака, которого прежде избегала. Впрочем, все ее представители высказались в одном ключе: Толстой зря взял на себя роль проповедника, а в Евангелии уже все сказано на тему отношений мужа и жены. Далее в дело вступили богословы, писатели, журналисты, религиозные философы — и волна обсуждения

церковного брака, пущенная Толстым, растянулась на несколько десятилетий.

Одновременно высказывала свое негодование и журнальная критика, и в ее фокусе, помимо обсуждения природы брака, оказалась та позиция, которую занял Толстой. Будучи писателем, он зашел на поле публицистики, а это значит, что «Крейцера соната» не могла рассматриваться как художественное произведение. Позднышев в этом случае уже не полноценный персонаж, а лишь марионетка в руках автора, который транслирует через него собственные идеи.

Наконец, засыпали Толстого письмами и обычные читатели: кто-то спешил поделиться своей историей, кто-то просил совета — девушки сомневались, стоит ли выходить замуж, молодые люди хотели понять, нужно ли отказываться от женитьбы после обнаружения небезупречных эпизодов в прошлом невесты. Получал Толстой и письма негодования, в которых его упрекали, что он лишил юношей и девушек свойственных их возрасту мечтаний о счастье, что он просто не любил по-настоящему и сам же своими действиями разрушает брак.

Негодовали абсолютно все, и даже Антон Чехов, поначалу оценивший повесть, после прочтения «Послесловия» изменил свое мнение. Если путаницу в заболеваниях он еще был готов простить, то отношение Толстого к врачам его откровенно возмутило: «Черт был побрал философию великих мира сего! Все великие мудрецы деспотичны, как

генералы, и невежливы и неделикатны, как генералы, потому что уверены в безнаказанности».

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

Помимо десятилетий обсуждения проблем брака и с церковной, и с философской точек зрения, вслед за «Крейцеровой сонатой» появился поток художественных текстов, авторы которых решили с Толстым поспорить. В частности, самым значительным высказыванием называют рассказ «По поводу “Крейцеровой сонаты”» Николая Лескова. В нем к писателю приходит незнакомая дама и просит у него совета относительно своей семейной ситуации: она много лет изменяет мужу и теперь хочет наконец разорвать порочный круг лжи и во всем признаться. Писатель же отговаривает даму от опрометчивого шага, так как он принесет всем — и ей самой, и ее мужу, и ее детям — лишь несчастье. Вероятно, дама следует его совету, и спустя несколько лет писатель встречает ее семейство в полном составе на отдыхе, где разыгрывается совсем другая драма. По сути, Лесков выбирает сторону общественной морали и сохранения внешней пристойности — позиция, которая доминировала в обществе многие годы, пока Толстой не поставил вопрос радикально и остро.

Полемические ответы на повесть Толстого возникли и внутри его семьи.

В 1898 году был опубликован текст сына писателя, Льва Львовича Толстого, под названием «Прелюдия Шопена». Полемичным было не только название. В произведении прямо упоминалась и развернуто критиковалась «Крейцерова соната», а позитивный смысл, который хотел донести сын Толстого, заключался в том, что брак приносит счастье, а все сомнения и соблазны — от тумана в голове, который, впрочем, развеивается, стоит зазвучать произведению Шопена. Считать так у Льва Львовича, вероятно, были все основания, так как он лишь недавно женился и разочарования отца в браке не понимал. Впрочем, Лев Толстой отказался считать это серьезным высказыванием, прямо сообщив сыну, что тот поступил некультурно, глупо и бездарно. С тем, что у Льва Львовича недостает таланта и ума спорить с произведением отца, согласилась и Софья Андреевна, правда, молча записав это в дневнике. Сама она к тому моменту уже тоже написала свой полемический ответ — повесть «Чья вина?», но публиковать ее, в отличие от Льва Львовича, не стала.

ПОЧЕМУ ИМЕННО «КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА»?

Есть несколько эпизодов, с которыми обычно связывают выбор Толстым именно этого музыкального произведения. Один относится к лету 1876 года,

Рене-Ксавье Прине. Крейцерова соната

когда в Ясной Поляне гостил дальний родственник Толстого — скрипач Ипполит Нагорнов. Интересно, что Софья Толстая описывает его как не очень приятного человека, однако стоило ему взять в руки скрипку, как талант преображал его настолько, что в итоге все в доме были в него влюблены. В частности, Нагорнов исполнял «Крейцерову сонату», и сам Толстой ему аккомпанировал. Второй эпизод предположительно произошел весной 1888 года уже в доме писателя в Хамовниках, в Москве, где Лев Толстой, художник Илья Репин и актер Василий Андреев-Бурлак слушали «Крейцерову сонату» в исполнении уже другого скрипача — по-видимому, Юлиана Лясоты. Его игра произвела

на Толстого большое впечатление, и он предложил Репину и Андрееву-Бурлаку, чтобы каждый из них троих создал произведение на эту тему доступными ему средствами. Правда, в итоге сделал это лишь Толстой.

Однако, если ориентироваться на эволюцию замысла повести, совершенно не очевидно, что выбор произведения имел какое-то особенное значение. Скорее для Толстого было важно то, какие чувства оно может внушать. Его взгляд на музыку предполагал, что это своего рода слепок с эмоций, которые вкладывает композитор и которые при исполнении ощущает слушатель. Позднее, правда, писатель пришел к выводу, что все-таки может быть передана

и внушена не конкретная эмоция, а эмоция в целом. Возможно, поэтому, как вспоминает сын Толстого Сергей, во время работы над повестью писатель много расспрашивал других людей о том, какие чувства в них вызывает «Крейцера соната». Свою роль в выборе произведения могло сыграть и то, что Толстой относился к музыке Бетховена в целом неодобрительно, поскольку она отличалась, по его мнению, излишним драматизмом, тогда как «музыка должна умилять, утишать, а не возбуждать страсти». Примерно так же воспринимает «Крейцерову сонату» и Позднышев, который видит острое несоответствие между произведением и той обстановкой, в которой оно исполняется. Люди собрались

Людвиг ван Бетховен. Соната №9 для скрипки и фортепиано (титульный лист первого издания)

в гостиной, чтобы приятно провести время, а не испытать сильные эмоции, требующие немедленного выплеска. Но в этом смысле на месте «Крейцеровой сонаты» могло оказаться любое другое эмоциональное произведение.

ТАК ЖЕНА ИЗМЕНИЛА ПОЗДНЫШЕВУ ИЛИ НЕТ?

Скорее всего, нет. Во всяком случае в тексте нет никаких указаний на это. В пользу этого вывода говорит и то, как Толстой трансформировал сюжет повести в процессе работы. Если верить, что импульс для замысла дал рассказ Андреева-Бурлака об исповеди попутчика, которому изменила жена, то Толстой отталкивался от факта, что измена была. В первых вариантах повести также есть детали, которые указывают на это. Изначально речь идет не о музыканте, а о художнике, и тот поселяется в деревне, куда перебираются Позднышевы, муж видит его убегающим из их дома в ночи через балконную дверь, а жена Позднышева рождает ребенка, несмотря на запреты врачей, и с этим-то ребенком, девочкой, в отношении которой Позднышев не уверен, что она от него, он и едет в поезде. Но в финальной версии повести все эти детали отсутствуют, и едва ли это случайное решение. Так что можно утверждать, что как минимум Толстому становится не важно, была ли измена вообще — фокус переносится

на размышления о том, что при имеющемся отношении к браку женщина неизбежно будет испытывать соблазн.

Именно в этой связи можно трактовать и первый эпиграф из Евангелия от Матфея: «А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». Сам Толстой объяснял, что для него в этом эпиграфе ключевой момент заключался в том, что это относится не только к чужой жене, но и к своей собственной. Тем не менее высказывание включает в себя обе возможности. По сути, измена физическая Толстому и не нужна — достаточно чувств, а они, судя по размышлениям Позднышева, которые разделяет и Толстой, просто не могут не возникнуть, когда в дело вступает такое будоражащее музыкальное произведение, как «Крейцера соната».

ЕСТЬ ЛИ КАКОЙ-ТО ОСОБЫЙ СМЫСЛ В НАБОРЕ ПАССАЖИРОВ, С КОТОРЫМИ В ВАГОНЕ ВСТРЕЧАЕТСЯ ГЕРОЙ?

Да, они представляют все возможные взгляды на семью и брак в то время. К моменту, когда между попутчиками завязывается диалог, пассажиров, помимо Позднышева и рассказчика, четверо: адвокат, дама, приказчик и купец. Разговор начинается с реплики адвоката, который

представляет точку зрения закона и практики. В частности, адвокат говорит о том, что теперь в России стало больше разводов, но все равно ситуация пока еще отстает от европейской, так как действует прежнее законодательство и оно вступает в противоречие с изменившимися потребностями. Присутствующая дама берется горячо отстаивать право заключать брак и жить в нем исключительно на основании чувств. При этом про даму сразу же говорится, что она курит, носит мужское пальто и в целом ведет себя эмансипированно. Ее точка зрения как раз принадлежит той изменившейся практике, которую имеет в виду адвокат, когда люди хотят свободно заключать и расторгать брак на основании чувств, — неслучайно дама и адвокат едут вместе. Купец в этом споре находится на другом полюсе и представляет традиционную модель, в которой брак держится на божественном законе, жена должна бояться мужа, а муж должен уметь управлять женой так, чтобы в доме не завелся «грех». Приказчик же, вступая в диалог, рассказывает историю одного своего знакомого, который как раз не сумел вовремя поставить себя правильно в семье, в итоге жена бросила его и живет с другим человеком. Тоже принадлежа купеческому сословию, приказчик, по сути, говорит о том, что традиционная система начала давать сбои.

На фоне этого спектра мнений Позднышев и рассказывает историю своего брака. Он принял решение жениться

не по расчету и не из патриархальных соображений, как это сделал бы купец, то есть это не его модель. Напротив, при выборе будущей жены Позднышев следовал за своими чувствами, как это предлагает делать дама — именно ее он спрашивает, чувства какой продолжительности она называет любовью и считает достаточными для брака. Но в итоге это завело его в те драматические обстоятельства, которые хорошо понимает адвокат: брак не приносит больше радости, но закон настаивает на его продолжении. По факту случай Позднышева становится иллюстрацией происходящих изменений в отношении общества к браку, когда ни одна система не работает безукоризненно и непонятно, в какой из них лучше жить.

ПОЧЕМУ ПОЗДНЫШЕВ НЕ МОГ ПРОСТО РАЗВЕСТИСЬ С ЖЕНОЙ?

В то время, на которое приходится работа над повестью, в обществе идут активные дискуссии о разводах, но ситуация непростая. Брак находится одновременно в ведении церкви и государства, но эти системы не отделены одна от другой. Для церкви брак означает таинство, и развод возможен в очень редких случаях — например, когда супруги не могут иметь детей. Измена также является основанием для расторжения брака, но это преступление против таинства, и его для начала

необходимо доказать перед Синодом, предоставив свидетелей. Сам этот процесс сильно ударяет по репутации всех сторон, и в итоге признанный виновным не сможет вступить в новый брак, воспитывать детей и лишается всех прав состояния. Собственно, в силу этих причин в «Анне Карениной» заходит в тупик развод Алексея Александровича и Анны: для него важна его репутация, без которой он не может продолжать карьеру, а Анне нужна возможность дальше заключить новый брак и быть со своим сыном.

Однако, судя по статистике, во второй половине XIX века количество разводов, когда супруги решают пройти через процедуру доказательства измены, в России все-таки растет. В 1867 году их число не превышает 2%, а к 1886-му увеличивается до 12,7% без каких бы то ни было сопутствующих изменений в законодательстве. Исходя из этого, можно сделать вывод, что общественная мораль и церковные нормы перестают быть такими сильными сдерживающими факторами для супругов, не желающих больше быть друг с другом.

Тем не менее Позднышев ни разу по ходу рассказа про такую возможность не упоминает. Хотя многократно говорит о том, что на каждом из этапов его истории у него был выбор — например, после первого же визита больше не приглашать Трухачевского в свой дом. Но Позднышев не рассматривает альтернативы в принципе, вероятно, потому

что действует эмоционально, а не рационально. Это подтверждает и тот факт, что и по завершении истории, рассказывая ее, он не находится в стабильном состоянии — даже в диалог с попутчиками он вступает то ли смеясь, то ли рыдая и уж определенно волнуясь.

ПОЧЕМУ ГЕРОЙ НЕ В ТЮРЬМЕ, ВЕДЬ ОН УБИЛ ЖЕНУ?

Сам Позднышев говорит, что его оправдали в суде, так как было решено, что он обманутый муж и защищал свою поруганную честь. Вероятно, речь идет об уголовном суде, который рассматривал дело об убийстве, но в ведении этого же суда тогда находились и дела об измене, поступавшие туда после рассмотрения Синодом. В этом смысле вполне возможно, что суд интерпретировал дело Позднышева таким образом, что его преступление стало следствием другого преступления, совершенного против него. Также могла сыграть свою роль и разница восприятия измены со стороны мужа, для которого это было вполне допустимое поведение, и со стороны жены, которая, с точки зрения общественной морали, не имела аналогичных прав. При этом сам Позднышев к такому решению отнесся очень скептически, заметив, что это суд так представил дело, как будто это про честь — «так ведь это называется по-ихнему», а сам-то он пытался донести

другую позицию, которая заключалась, видимо, в том, что в случившемся виновата вся система брака.

ЗАЧЕМ ТОЛСТОЙ ДОБАВИЛ К ПОВЕСТИ ЭПИГРАФЫ ИЗ ЕВАНГЕЛИЯ?

Использование эпиграфов из священных текстов в «Крейцеровой сонате» не уникальное решение для Толстого. Еще в «Анне Карениной», где сюжет складывается также вокруг супружеской измены, писатель использовал для эпиграфа переиначенную цитату из Послания к римлянам апостола Павла. А для романа «Воскресение», который появится спустя десять лет после повести, Толстой подберет сразу четыре цитаты из Евангелий от Матфея, Иоанна и Луки. В случае «Крейцеровой сонаты» писатель останавливается на трех эпиграфах из Евангелия от Матфея: первый говорит о прелюбодеянии, второй — о браке, третий — о целомудрии. Они подсказывают проблематику, в контексте которой необходимо воспринимать рассказанную историю, и одновременно задают уровень дискуссии: здесь важен разговор не о конкретном случае или общественных нормах, а о религиозном понимании природы брака.

Стремление Толстого поговорить о несостоятельности брака как таинства можно, в свою очередь, объяснить в целом отношениями писателя с религией

в тот момент. На рубеже 1870–1880-х он переживает серьезный духовный кризис, по итогам которого переосмысляет и свои религиозные представления. Еще через два десятилетия это приведет его к открытому конфликту с церковью и окончательному разладу с ней. Толстой предполагает, что религия должна содержать в себе ядро моральных предписаний и требований к человеку по их исполнению, и, на его взгляд, православие здесь заняло слишком мягкую позицию, прощая любой грех. Одновременно Толстой берется заново перевести Евангелие, исключив из него все «чуждое» и прочтя соответствующие эпизоды в рациональном ключе. В первую очередь это переосмысление касается таинств. Церковь же считает брак одним из них. В этом смысле повесть становится еще одним разоблачением «чуждого» и продолжением разговора о моральных предписаниях. Все подобранные Толстым цитаты из Евангелия касаются как раз тех правил, которые предъявляются к христианину в отношении целомудрия и семейных отношений.

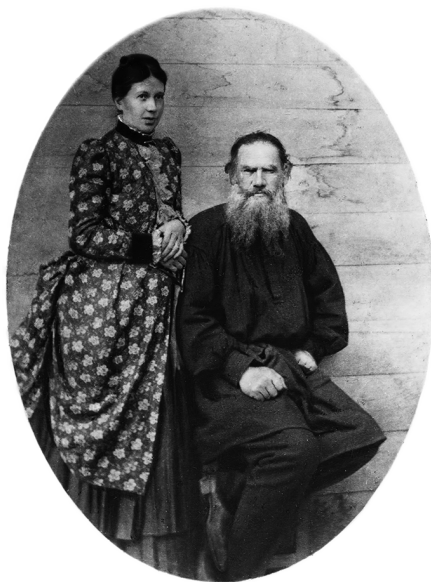
В ЭТОЙ ПОВЕСТИ ТОЛСТОЙ ВЫРАЗИЛ СОБСТВЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА БРАК?

Да, и тому есть несколько доказательств. В первую очередь сложно не заметить, что Толстой при написании

повести воспроизвел как многие эпизоды из своей биографии, так и мысли, которые им владели в разное время. Подобно самому писателю, его герой перед свадьбой дает прочитать невесте дневник, из которого она должна узнать о его связях до брака. Как и Толстой, Позднышев боится, что после этого невеста его бросит, но этого не происходит. Как и жене Позднышева, Софье Андреевне после пятой беременности врачи не советуют больше рожать — правда, жена Толстого этим советом пренебрегла, после чего трое ее детей подряд умерли в младенчестве. Толстой вкладывает в размышления Позднышева свою мысль о том, что только рождение детей может оправдывать физическую сторону брака, которая в противном случае становится постыдной и животной. Кроме того, есть прямое указание Софьи Андреевны на то, что повесть Толстого довольно сильно пересекается с его жизненными обстоятельствами. «Какая видимая нить связывает старые дневники Левочки с его “Крейцеровой сонатой”! — записывает она. — А я в этой паутине жужжащая муха, случайно попавшая, из которой паук сосал кровь». Наконец, сам Толстой пишет послесловие к повести, в котором повторяет ключевые положения размышлений Позднышева уже от своего имени, и тем самым фактически ставит знак равенства между своими взглядами и взглядами своего героя.

А ЧТО ПРО ЭТО ДУМАЛА СОФЬЯ АНДРЕЕВНА?

Софья Андреевна Толстая, которая переписывала это произведение Толстого, как и все остальные, и добывала разрешение на его публикацию, тем не менее сразу же восприняла повесть как обидный выпад в свой адрес. «Я сама в сердце своем почувствовала, что эта повесть направлена в меня, что она сразу нанесла мне рану, унизила меня в глазах всего мира и разрушила последнюю любовь между нами», — писала она. Унижение оказалось настолько болезненным, что Софья Андреевна даже решилась написать ответ — в 1895 году появилась ее повесть «Чья вина?». Однако опубликовать

Л. Н. Толстой с женой Софьей
в Ясной Поляне в 1887 г.

ее она так и не решилась, сказав, что это произойдет после ее смерти.

Как и Толстой, его жена использует при написании повести множество деталей из своей личной жизни. Ее героиня Анна, чистая и возвышенная 18-летняя девушка, выходит замуж за князя Прозоровского, который старше ее почти в два раза и известен своими не слишком нравственными холостяцкими приключениями. Девушка неопытна, совершенно не готова к семейной жизни, да и о жизни в целом знает не слишком много, даже не вполне понимая, какие чувства она испытывает к князю. Сложно не угадать в этом обстоятельства замужества самой Софьи Андреевны.

Повесть «Чья вина?» фактически копирует сюжет «Крейцеровой сонаты», но ситуация показана зеркально, глазами женщины. Суть истории при таком ракурсе оказывается банально в том, что Анна не видит со стороны своего мужа интереса к ней как человеку, страдает от душевного одиночества и не может реализовать себя как личность. Возможно, поэтому вместо музыканта Трухачевского в доме Прозоровских появляется давний друг князя Дмитрий Бехметьев — человек ничем не примечательный, кроме того, что он относится к Анне с участием, проявляет интерес к ее мыслям и разделяет с ней ее переживания по поводу детей. Этого оказывается достаточно, чтобы между ними действительно зародилось

Сергей Танеев в 1889 г.

чувство, но не мысли об измене. Впрочем, как и в случае с повестью Толстого, это не уберегает Анну от припадков ревности со стороны мужа и трагической развязки.

Парадокс в том, что, обвиняя мужчин в интересе только к физической, а не духовной стороне брака, Софья Андреевна подходит и к измене с «мужской» меркой, то есть физической. В частности, ощущая обиду, нанесенную ей «Крейцеровой сонатой», Толстая восклицает, что это тем более несправедливо, что она не давала никакого повода мужу заподозрить ее в чем бы то ни было. «Была ли в сердце моем возможность любить другого, была ли борьба — это вопрос другой, — продолжает Софья

Андреевна, — это дело только мое, это моя святая святых, и до нее коснуться не имеет права никто в мире, если я осталась чиста». Впрочем, этот «другой» вопрос сегодня вполне разрешают дневники Софьи Андреевны, в которых она признается, какое удовольствие ей доставляло общество поэта Афанасия Фета или же пианиста Сергея Танеева — настолько, что по поводу последнего между супругами даже произошла ссора и возникла идея развода.

НАСКОЛЬКО ПОЗДНЫШЕВСКОЕ ОПИСАНИЕ БРАКА СООТВЕТСТВУЕТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ТОГО ВРЕМЕНИ?

«Да, надо сказать — ведь всё, что тут писано, — правда, как в зеркале, хотя я написал бы то же самое совсем иначе, а так, как у него написано, хоть и зеркало, но с пузырьком — и от этого кривит», — писал после прочтения повести Константин Победоносцев. Как ни странно, хотя обер-прокурор Синода был лицом, заинтересованным в том, чтобы повесть не была опубликована, его слова довольно точно отражают реальную ситуацию. Действительно, на брак в тот момент можно было смотреть и так. Мужчины, как правило, женились уже не юными, тогда как девушке общественные нормы предписывали выходить

замуж как можно раньше, и выгодность союза была не менее, а иногда и более важна, чем наличие чувств. Церковный брак заключался однажды, и развод был фактически невозможен. При этом известно много случаев, когда совместная жизнь не задавалась с самого начала. Но в подавляющем большинстве муж и жена принимали решение оставаться в браке и сохранять внешние приличия, зачастую при этом заводя связи на стороне, что уже едва ли могло считаться соблюдением церковных заветов. Это и правда можно называть обманом, как это делает Позднышев.

Однако в момент, когда Толстой пишет повесть, представление о браке меняется, и Позднышев во многом действует уже в новой парадигме. Всё большую роль начинают играть чувства, возникающие между людьми, и они становятся решающим аргументом для женитьбы. Это видно хотя бы на примере семьи Толстого, двое сыновей которого женились в очень молодом возрасте, еще не будучи в состоянии самостоятельно обеспечивать семью. Но такой эмоциональный подход к созданию семьи повлиял и на требования, которые вступающие в брак люди стали предъявлять к семейной жизни: если это союз не для выгоды, а по взаимному влечению и для обоюдной радости, то трудно понять, почему его нельзя расторгнуть, если он перестал все это приносить. В итоге одновременно растет число разводов, уменьшается количество

браков, люди чаще выбирают отношения вне брака, хотя общественная мораль по-прежнему плохо приемлет такой выбор со стороны женщины. Церковь же пытается рьяно удерживать свои позиции. В чем зеркало Толстого, как сказал Победоносцев, кривит, так это в том, что единственной альтернативой брака писатель видит безбрачие, а не пересмотр самого института брака.

Хотя уже спустя десять лет после выхода «Крейцеровой сонаты» законодательство признает право рожденных вне брака детей носить фамилию отца и наследовать его имущество, а еще через десять виновный в измене получит право после развода снова вступать в брак. Брак станет выбором, а не императивом, приводящим к таким драматическим последствиям.

Крейцерова соната

А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.

Матфея V, 28

Говорят ему ученики его: если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться.

Он же сказал им: не все вмещают слово сие: но кому дано.

Ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так, и есть скопцы, которые сделали себя сами скопцами для царства небесного. Кто может вместить, да вместит.

Матфея XIX, 10, 11, 12

I

Это было ранней весной. Мы ехали вторые сутки. В вагон входили и выходили едущие на короткие расстояния, но трое ехало, так же как и я, с самого места отхода поезда: некрасивая и немолодая дама, курящая, с измученным лицом, в полумужском пальто и шапочке, ее знакомый, разговорчивый человек лет сорока, с аккуратными новыми вещами, и еще державшийся особняком небольшого роста господин с порывистыми движениями, еще не старый, но с очевидно преждевременно поседевшими курчавыми волосами и с необыкновенно блестящими глазами, быстро перебегавшими с предмета на предмет. Он был одет в старое, от дорогого портного пальто с барашковым воротником и высокую барашковую шапку. Под пальто, когда он расстегивался, видна была поддевка и русская вышитая рубаха. Особенность этого господина состояла еще в том, что он изредка издавал странные звуки, похожие на откашливание или на начатый и оборванный смех.

Господин этот во все время путешествия старательно избегал общения и знакомства с пассажирами. На заговариванья соседей он отвечал коротко и резко и или читал, или, глядя в окно, курил, или, достав провизию из своего старого мешка, пил чай, или закусывал.

Мне казалось, что он тяготится своим одиночеством, и я несколько раз хотел заговорить с ним, но всякий раз, когда глаза наши встречались, что случалось часто, так как мы сидели наискоски друг против друга, он отворачивался и брался за книгу или смотрел в окно.

Во время остановки, перед вечером второго дня, на большой станции нервный господин этот сходил за горячей водой и заварил себе чай. Господин же с аккуратными новыми вещами, адвокат, как я узнал впоследствии, с своей соседкой, курящей дамой в полумужском пальто, пошли пить чай на станцию.

Во время отсутствия господина с дамой в вагон вошло несколько новых лиц, и в том числе высокий бритый морщинистый старик, очевидно купец, в ильковой шубе и суконном

картузе с огромным козырьком. Купец сел против места дамы с адвокатом и тотчас же вступил в разговор с молодым человеком, по виду купеческим приказчиком, вошедшим в вагон тоже на этой станции.

Я сидел наискоски и, так как поезд стоял, мог в те минуты, когда никто не проходил, слышать урывками их разговор. Купец объявил сначала о том, что он едет в свое имение, которое отстоит только на одну станцию; потом, как всегда, заговорили сначала о ценах, о торговле, говорили, как всегда, о том, как Москва нынче торгует, потом заговорили о Нижегородской ярманке. Приказчик стал рассказывать про кутежи какого-то известного обоим богача-купца на ярманке, но старик не дал ему договорить и стал сам рассказывать про былые кутежи в Кунавине, в которых он сам участвовал. Он, видимо, гордился своим участием в них и с видимой радостью рассказывал, как он вместе с этим самым знакомым сделали раз пьяные в Кунавине такую штуку, что ее надо было рассказать шепотом и что приказчик захохотал на весь вагон, а старик тоже засмеялся, оскалив два желтых зуба.

Не ожидая услышать ничего интересного, я встал, чтобы походить по платформе до отхода поезда. В дверях мне встретились адвокат с дамой, на ходу про что-то оживленно разговаривавшие.

— Не успеете, — сказал мне общительный адвокат, — сейчас второй звонок.

И точно, я не успел дойти до конца вагонов, как раздался звонок. Когда я вернулся, между дамой и адвокатом продолжался оживленный разговор. Старый купец молча сидел напротив них, строго глядя перед собой и изредка неодобрительно жуя зубами.

— Затем она прямо объявила своему супругу, — улыбаясь, говорил адвокат в то время, как я проходил мимо него, — что она не может, да и не желает жить с ним, так как...

И он стал рассказывать далее что-то, чего я не мог расслышать. Вслед за мной прошли еще пассажиры, прошел кондуктор, вбежал артельщик, и довольно долго был шум, из-за которого не слышно было разговора. Когда все затихло и я опять услышал голос адвоката, разговор, очевидно, с частного случая перешел уже на общие соображения.

Адвокат говорил о том, как вопрос о разводе занимал теперь общественное мнение в Европе и как у нас все чаще и чаще являлись такие же случаи. Заметив, что его голос один слышен, адвокат прекратил свою речь и обратился к старику.

— В старину этого не было, не правда ли? — сказал он, приятно улыбаясь.

Старик хотел что-то ответить, но в это время поезд тронулся, и старик, сняв картуз, начал креститься и читать шепотом молитву. Адвокат, отведя в сторону глаза, учтиво дожидался. Окончив свою молитву и троекратное крещение, старик надел прямо и глубоко свой картуз, поправился на месте и начал говорить.

— Бывало, сударь, и прежде, только меньше, — сказал он. — По нынешнему времени нельзя этому не быть. Уж очень образованны стали.

Поезд, двигаясь все быстрее и быстрее, погромыхивал на стычках, и мне трудно было расслышать, а интересно было, и я пересел ближе. Сосед мой, нервный господин с блестящими глазами, очевидно, тоже заинтересовался и, не вставая с места, прислушивался.

— Да чем же худо образование? — чуть заметно улыбаясь, сказала дама. — Неужели же лучше так жениться, как в старину, когда жених и невеста и не видали даже друг друга? — продолжала она, по привычке многих дам отвечая не на слова своего собеседника, а на те слова, которые она думала, что он скажет. — Не знали, любят ли, могут ли любить, а выходили за кого попало, да всю жизнь и мучались; так, по-вашему, это лучше? — говорила она, очевидно обращая речь ко мне и к адвокату, но менее всего к старику, с которым говорила.

— Уж очень образованны стали, — повторил купец, презрительно глядя на даму и оставляя ее вопрос без ответа.

— Желательно бы знать, как вы объясняете связь между образованием и несогласием в супружестве, — чуть заметно улыбаясь, сказал адвокат.

Купец что-то хотел сказать, но дама перебила его.

— Нет, уж это время прошло, — сказала она. Но адвокат остановил ее:

— Нет, позвольте им выразить свою мысль.

— Глупости от образования, — решительно сказал старик.

— Женят таких, которые не любят друг друга, а потом удивляются, что несогласно живут, — торопилась говорить дама, оглядываясь на адвоката и на меня и даже на приказчика, который, поднявшись с своего места и облокотившись на спинку, улыбаясь, прислушивался к разговору. — Ведь это только животных можно спаривать, как хозяин хочет, а люди имеют свои склонности, привязанности, — очевидно желая уязвить купца, говорила она.

— Напрасно так говорите, сударыня, — сказал старик, — животное скот, а человеку дан закон.

— Ну да как же жить с человеком, когда любви нет? — все торопилась дама высказывать свои суждения, которые, вероятно, ей казались очень новыми.

— Прежде этого не разбирали, — внушительным тоном сказал старик, — нынче только завелось это. Как что, она сейчас и говорит: «Я от тебя уйду». У мужиков на что, и то эта самая мода завелась. «На, говорит, вот тебе твои рубахи и портки, а я пойду с Ванькой, он кудрявей тебя». Ну вот и толкуй. А в женщине первое дело страх должен быть.

Приказчик посмотрел и на адвоката, и на даму, и на меня, очевидно удерживая улыбку и готовый и осмеять и одобрить речь купца, смотря по тому, как она будет принята.

— Какой же страх? — сказала дама.

— А такой: да убоится своего му-у-ужа! Вот какой страх.

— Ну, уж это, батюшка, время прошло, — даже с некоторой злобой сказала дама.

— Нет, сударыня, этому времени пройти нельзя. Как была она, Ева, женщина, из ребра мужнина сотворена, так и останется до скончания века, — сказал старик, так строго и победительно потряхнув головой, что приказчик тотчас же решил, что победа на стороне купца, и громко засмеялся.

— Да это вы, мужчины, так рассуждаете, — говорила дама, не сдаваясь и оглядываясь на нас, — сами себе дали свободу, а женщину хотите в терему держать. Сами небось себе все позволяете.